

Светлана Алешина

В пекло по собственной воле

*Часть сборника
В пекло по собственной воле
(сборник)*

Светлана Алешина

В пекло по собственной воле

«Научная книга»

1999

Алешина С.

В пекло по собственной воле / С. Алешина — «Научная книга»,
1999

В море падает самолет с двадцатью пассажирами, среди которых заместитель министра МЧС. Капитану спасателей Ольге Николаевой удастся выяснить, что причина аварии – взрыв, устроенный представителем одной из силовых структур. Капитан Николаева выходит на след человека, устроившего взрыв в самолете. Преступник схвачен за руку. Теперь дело за малым – разоблачить «крутое» ведомство...

Содержание

Глава первая	5
Глава вторая	15
Конец ознакомительного фрагмента.	23

Светлана Алешина

В пекло по собственной воле

Глава первая

Никогда раньше не думала, что больница, рядом с которой я живу, будет вызывать во мне неприязненные чувства. В больничном городке прошло мое детство, как и у других девчонок и мальчишек окрестных домов. Нагромождение больничных корпусов, новых и старых, хозяйственные постройки, гаражи, вечный ремонт и вечное строительство – и все это в деревьях, за которыми никто особенно не следил, и поэтому они заросли кустарником, а кое-где даже высокой травой. Место, более подходящее для игры в войну или в прятки, чем тарасовская городская больница имени Федина, трудно придумать.

В детстве я знала каждый камень и каждое дерево в больничном дворе, а сама больница никогда не ассоциировалась у меня с болью и страданием – только с игрой, весельем и компанией друзей. Тогда мы не знали ни о смерти, ни о боли, а самым страшным на свете казался санитар Федор из больничного морга – вечно пьяный и вечно мрачный, небритый, всегда – в темно-синем халате. Он выходил из своего подвала, куда отвозил тела умерших, садился на пустой ящик из-под молочных бутылок, курил и думал о своем, щурясь на солнце, а мы дрожали от страха, считая, что он высматривает кого-то из нас, чтобы схватить и утащить в свой подвал. Зачем? Тогда мы себе этот вопрос не задавали.

Теперь не узнаю фединскую больницу. Вернее – не узнаю своих ощущений, когда прохожу мимо. Я почти боюсь ее молчаливых корпусов, в палаты которых попадают мои друзья изломанными и израненными. Некоторые из них навсегда остаются в этих палатах, пропадают без следа. Впрочем, след, конечно, есть – в моей памяти, но... Я не вижу больше их улыбок, не слышу их смеха и не прячу при встрече свою руку от их протянутой для рукопожатия руки – мои друзья-спасатели не умеют рассчитывать силы, когдажимают руку женщине.

Вот и сейчас в одном из корпусов «Фединки» лежит безмолвный Григорий Абрамович и смотрит в потолок долгим усталым взглядом... А я подхожу к больничной ограде, и в сердце у меня шевелится неприятный страх – неужели с моим первым командиром, нашим любимым Грэггом, мне теперь придется видеться только здесь?..

Григорий Абрамович был ранен, когда наша федеральная спасательная группа выполняла особое поручение министерской контрразведки во время тушения лесного пожара в Подмосковье. Два пулевых ранения в голову, и – вот уже скоро месяц – он лежит парализованным. А командиром Тарасовской ФСГ-1 стала я – капитан МЧС, экстремальный психолог второй категории Ольга Николаева. До сих пор не могу привыкнуть к тому, что теперь я целиком несу ответственность за действия группы и что мне подчиняются любитель головоломок и детективных повестей Игорек и стеснительно-грубоватый дядя Саша Масляков по прозвищу Кавээн – обладатель стальных мускулов и снайперского глаза. Но главное – не могу поверить теперь, что «Фединка» отдаст свою добычу, что Григорий Абрамович сумеет выбраться из нее... Хотя и хочу, очень хочу верить в это.

Я прихожу к Григорию Абрамовичу каждый день, перед тем как идти в управление к ребятам. Люблю приходить к нему рано утром, когда, кроме нянечек, в больнице все еще спят, в коридорах тихо и безлюдно – даже не похоже на больницу. Рассказываю ему все, что случилось вчера, обо всех своих радостях и неприятностях, а их у командира группы всегда хватает.

Сегодня я иду к Григорию Абрамовичу посоветоваться по очень трудному для меня вопросу.

Мне нужен именно его совет, потому что предмет, о котором я хочу посоветоваться, слишком деликатного свойства. Речь идет о задании, которое дал мне руководитель службы внутренних расследований, или контрразведки, как мы ее называем, генерал Чугунков. Дал устно, без всякого приказа, потому что доверить такое бумаге может только сумасшедший!

Я чувствую, здесь немного придется пояснить, иначе непонятно будет, какова связь между раненым Григорием Абрамовичем и моим секретным заданием...

Дело в том, что наше МЧС – Министерство чрезвычайных ситуаций – за десять лет существования, а особенно за последние годы, превратилось в реальную силу, в альтернативную силовую структуру, способную противостоять Федеральной службе безопасности, МВД, всякого рода спецслужбам и спецподразделениям. Жизнь в России по самому своему содержанию стала сплошной чрезвычайной ситуацией, поэтому нам теперь до всего есть дело – от природных катастроф до акций социального протеста. Понятно, что не всем это нравится. Наибольшее раздражение силы МЧС вызывают у людей, приспособившихся к существующему статус-кво и научившихся поддерживать нейтралитет с прежними силовиками.

Их раздражение объясняется тем, что МЧС построена на принципиально иных основах, чем все остальные силовые ведомства. Система внутренних взаимоотношений в структурах МЧС во многом определяется неписаным Кодексом первых спасателей, которые и организовывали эту службу, думая прежде всего не о централизме и единоначалии, а о том, что в чрезвычайной ситуации главная забота – жизнь людей. Главное действующее лицо – Спасатель, а не блюститель буквы закона, как милиционер или полицейский. Те, кто начинал, пытались создать структуру, заботящуюся об интересах человека, а не государства. На первое место в современной системе ценностей выходит отдельно взятый россиянин, а не вся абстрактная Россия в целом, как было прежде. МЧС – это силовая структура будущего. Похоже, что эта забота об отдельно взятом человеке кому-то стала поперек горла, что чье-то терпение наконец лопнуло и против нас, спасателей, начинают необъявленную войну – провокации, интриги, разного рода подставки, выливающиеся иной раз в откровенные диверсии. МЧС вынуждено было создать собственную секретную службу, главная задача которой – противостоять этим идущим от неизвестного адресата проискам, разрушать интриги своих безымянных пока врагов, нейтрализовать непрерывные попытки дискредитировать наши действия и всю нашу структуру вообще.

Несколько последних заданий, которые получала наша группа, убедили меня в том, что наш командир, полковник Григорий Абрамович Воротников, работает на эмчээсовскую контрразведку. Собственно говоря, ничего удивительного в этом не было, потому что генерал Чугунков – его старый друг, вместе с которым они все это начинали... А совсем недавно Грэг сам рассказал мне об этом и еще сообщил, что согласился на уговоры министра и Чугункова возглавить министерскую информационно-аналитическую службу, а руководство нашей тарасовской группой решил передать мне. И вот, пожалуйста, – он лежит в больнице!

А мне позарез нужен его совет. Сама я, возможно, даже права не имею вмешиваться во взаимоотношения людей, на которых падает тень подозрения в сотрудничестве с нашими противниками. Чугунков чуть не выматерил меня, когда я сообщила, что ко мне в руку попали сведения о том, что один из Первых Спасателей, входящий в число главного руководства МЧС, является тайным агентом некой политической группировки, о которой пока известно только, что она существует, что лидером ее является некий крупный бизнесмен, имени которого мы не знали и потому условно назвали его Конкурентом, имея в виду конкуренцию Президенту. Известно было также, что у Конкурента есть своя особая оперативная служба, что-то вроде силовой мини-структуры. У меня не было никаких доказательств того, что один из членов высшего руководства МЧС связан с людьми Конкурента, но зато имелось убедительное свидетельство, что сообщивший мне об этом агенте говорит правду – он искренне считал, что я умру, так и не успев ничего никому сообщить. Случилось так, что мы с ним поменялись ролями, –

я осталась в живых, а он... Он провалился в горящий торф и унес с собой всю информацию, которой обладал...

Чугунков долго доказывал мне, что это дезинформация, что сама идея – бредовая, но я стояла на своем, и в результате мне удалось его убедить. Но, как оказалось, ненадолго. Едва он вернулся в Москву и взглянул еще раз на своих друзей, одного из которых должен был объявить предателем и шпионом, сомнения вновь взяли в нем верх. Он позвонил мне и сказал, что отменяет свой устный приказ. Это значило, что мне не нужно разрабатывать план операции по выявлению агента. Я не должна даже думать об этом, а уж говорить с кем-либо... Чугунков так и сказал: «Забудь об этом!»

Легко сказать – забудь! Я не умею отдавать приказы своей голове. Не думать об этом еще можно, конечно, попытаться, но забыть!.. Все равно – не получится. Для меня это слишком важно. Я должна верить в Первых Спасателей. Искать среди них предателя – все равно что рубить тот самый сук, на котором устроено наше гнездо. Но не могу же я согласиться с тем, что этот человек и дальше будет нас всех предавать!

Поэтому мне и нужен был совет Григория Абрамовича – что делать с мучающей меня проблемой.

Я вошла к нему в палату с надеждой, что состояние его и впрямь улучшилось, как утверждают врачи. Но Григорий Абрамович все так же разглядывал потолок, и я даже не знала, чувствует ли он мое присутствие, слышит меня или не слышит.

Я присела на стул рядом с кроватью. Помолчали.

– Как дела? – спросила я.

«Нормально, – молча ответил Григорий Абрамович. – Скучновато вот только без новостей. Я подозреваю, что ты и половины мне не рассказываешь... Что – настолько плохие новости?»

– А что рассказывать? У нас затишье, Григорий Абрамович. Вторую неделю сидим без дела. Ничего в России, слава богу, не случается. Мы тоже скучаем... Игорек с Эркюлем Пуаро соревнуется – дочитывает рассказ до половины, книжку закрывает и пытается вычислить преступника.

«Ну и как успехи?»

– По-моему, очень неплохо, – ответила я. – Раскрываемость у него – восемьдесят. Пуаро он, конечно, проигрывает, у того – все сто процентов. Но Игорек считает, что Пуаро соревнуется нечестно, он применяет интерактивные методы раскрытия преступлений, а Игорек вынужден довольствоваться наблюдениями со стороны...

Я помолчала секунду и добавила:

– Сходим, в общем, с ума потихоньку...

Григорий Абрамович, как мне показалось, вздохнул. Я посмотрела на него внимательно, но он лежал все так же неподвижно и безмолвно.

«Ну-ка, давай, выкладывай, что тебя беспокоит, – сказал Григорий Абрамович. – Не умеешь ты притворяться. Лучше и не начинай. У тебя на лице все написано. С Сергеем своим все никак решить не можете – кому первому делать шаг навстречу?»

– Нет, с Сергеем мы давно не виделись, – ответила я, смутившись от его компетентности в моих личных делах. – И разговаривать о нем не хочу...

«Тогда сама рассказывай, – сказал Григорий Абрамович и вздохнул. – Я же по глазам вижу – ты за этим ко мне и пришла».

– Чугунков звонил, – тоже вздохнула я. – Он не хочет мне верить. Не может подозревать никого из своих старых друзей.

«Я тоже не могу, – ответил Григорий Абрамович. – Этих людей я знаю с тех пор, когда мы еще не были спасателями, мы ходили в горы, вытаскивали из пропастей заблудившихся обмороженных туристов и любили друг друга искренне и бескорыстно... Я с таким же успехом

могу самого себя подозревать в сотрудничестве с австралийской контрразведкой. Мы романтики, Оля, мы старые романтики, и нам трудно расставаться со своими идеалами. Я понимаю Костю Чугункова...»

– Я тоже его понимаю! – перебила я. – Не понимаю только одного – почему вы прячете головы в песок, как страусы? Страшно расставаться с добрыми милыми сказками? Страшно смотреть фактам в лицо? Среди вас нашелся человек, который предал вашу дружбу. Конечно, это горько, это – больно! Я понимаю. Предатель – это тот же убийца. Он убивает веру. Но только в тех, в ком она слаба! Если вы откажетесь искать предателя, я перестану вас уважать – и тебя, Грэг, и Чугунка!

Если бы Григорий Абрамович мог двигаться, он бы вскочил и принялся вытирать носовым платком свою лысину. Потому что он явно разволновался.

«Уважать она нас перестанет! – закричал он на меня. – Нам, между прочим, простиительно! Мы свои жизни прожили. И прожили так, что не стыдно – ни за себя, ни за друзей! А вот как ты жить будешь, если сейчас отступишь? Как в зеркало на себя смотреть будешь? Мы с Чугунковым не верим? А ты сама-то веришь, что этот шпион существует на самом деле? Что ты не придумала его?»

– Верю! – упрямо кивнула я головой.

«Раз веришь – ищи его. Сама ищи! – Грэг уже успокоился и смотрел на меня мудрым взглядом человека, который знает ответы на все мои вопросы. – Не спрашивай у нас ни разрешения, ни совета. Мы все равно не дадим тебе ни того, ни другого».

Я хотела сказать ему, что была уверена в том, что он не станет отговаривать меня от моего намерения, но тут дверь в палату распахнулась настежь и на пороге появился запыхавшийся Игорек.

– Вот ты где! – сказал он и покосился на Григория Абрамовича. – Здравствуйте, Григорий Абрамович... А мы с ног сбились – тебя разыскиваем. Срочно вылетаем, самолет уже ждет в аэропорту.

– Что случилось-то? – спросила я, поправляя одеяло на груди Григория Абрамовича.

– «Ан-24» нырнул в Каспий! – выпалил Игорек. – На борту – двадцать человек. Воздуха у них часов на пятнадцать. Но это лишь в том случае, если корпус самолета не получил серьезных повреждений и в салоне вообще остался воздух... Нашу группу включили в число спасателей. Только что пришел факс из Центроспаса.

Я поняла, что счет пошел на минуты.

– Извините, Григорий Абрамович, – сказала я уже от дверей. – Сами видите. Работа есть работа. Спасибо за разговор...

Игорек посмотрел на меня диковато и вышел вслед за мной из палаты.

– Да! Еще тебе генерал Чугунков из Москвы звонил! – сообщил он моей спине, еле поспевая за мной по больничному коридору.

– Что сказал? – насторожилась я.

– Свидание тебе назначил, – съехидничал Игорек. – Сказал, через три часа встречается с тобой на борту спасательного судна «Посейдон».

– Передать мне больше ничего не просил? – спросила на всякий случай, хотя была уверена, что Чугунков ни словом не обмолвится по телефону о том, что занимает сейчас мои мысли.

– Не-ет... – протянул Игорек растерянно и в то же время подозрительно. – Он меня в ваши контрразведочные секреты не посвящал.

– Они такие же мои, как и ваши с Кавээн, – огрызнулась я в ответ.

Мы выбежали из больничного корпуса и буквально наткнулись на красно-синий спасательский «уазик», за рулем которого постукивал от нетерпения пальцами по рулевому колесу Кавээн. Едва мы с Игорем ввалились в машину, как «уазик» рванулся с места и буквально

полетел по улице. Кавээн водил машину мастерски, в молодости он был автогонщиком и даже участвовал однажды в ралли Париж – Дакар в составе команды Минского автозавода, выступавшей на «БелАЗах». Первого места они тогда не взяли, но «откатались очень даже неплохо», по выражению Кавээна.

Он вырулил на один из проложенных по всему Тарасову спецмаршрутов, согласованных с ГИБДД, включил сирену с мигалкой, что-то там переключил, на что-то нажал, и «уазик», который и без того летел как стрела, понес, как пуля. Казалось, мы просто перепрыгиваем через машины, которые Кавээн обгонял. Милиционеры провожали нас плотоядными, но разочарованными взглядами.

Через четыре минуты мы бежали по летному полю к «ЯК-42», мотор которого уже работал, оглушая нас закладывающим уши ревом.

Через час с небольшим мы пролетели над устьем Волги и я увидела странную картину: река разделилась вдруг на множество маленьких речек, переплетающихся между собой, как кровеносные сосуды...

Еще через сорок минут мы уже ехали из аэропорта Красноводска на берег Каспия, чтобы прыгнуть в катер и помчаться к месту катастрофы.

В красноводском аэропорту нас встретил молодой лейтенантик-туркмен и передал мне пакет с приказами и прочими документами по катастрофе. Пока мы плыли по Каспию к месту падения самолета, я пробежала глазами все самое необходимое: координаты, глубина, метеорологический прогноз, гидрогеологическая и сейсмологическая обстановка в районе падения, предполагаемая причина катастрофы и установленное к этому часу число жертв...

Вдруг мой взгляд буквально споткнулся на одной фамилии в списке пассажиров, который в тот момент я держала в руках.

– Игорь! Дядя Саша! – крикнула я, отвлекая их от увлекательного занятия – они пытались разглядеть впереди «Посейдон», хотя до него было еще миль десять. – Идите сюда! Вам знакома фамилия Менделеев?

– Химик! – лаконично ответил Кавээн.

– Командир, издеваешься? – обиделся Игорек. – Кому она не знакома?

– Нет, ребята! – замотала я головой. – Я не про Дмитрия Ивановича спрашиваю. Вам знаком Николай Яковлевич Менделеев?

Игорек покачал головой:

– Лично я с ним, конечно, не знаком. Но человек в МЧС известный.

– Я с ним водку пил! – выпалил вдруг Кавээн. – Один раз. Когда он к Абрамычу на юбилей приезжал. Ничего, мужик крепкий.

– Тем лучше, – сказала я. – Тогда ответьте мне, кто это? А то я что-то засомневалась. Я в такие совпадения не верю.

– Как это кто? – удивился Игорек. – Руководитель спасательной службы Западноевропейского региона, заслуженный спасатель России, Первый Спасатель, после министра – второе лицо в МЧС.

– Григорий Абрамович называл его Никола Питерский, – сообщил Кавээн.

– Все это так, – сказала я. – Но в данный момент этот ваш Никола Питерский – пассажир того самого «Ан-24», что лежит сейчас на глубине тридцати метров на дне Каспийского моря...

Игорь присвистнул.

– Ни фига себе! – сказал он. – Кого нам выручать придется...

– Не свисти! – прикрикнул на него Кавээн. – Зарплату не дадут!

– Как же он в этом самолете-то оказался? – удивился Игорь.

– А нам не все равно, как? – возразил Кавээн. – Мы теперь спасать его будем, как и всех остальных, вот все дела.

– Официально он в отпуске, – сообщила я то, что узнала из списка пассажиров. – Летел в Красноводск из Питера на рейсовом самолете. С какой целью летел – не указано. Как частное лицо... Вообще – информации по катастрофе очень мало. Ясно одно – что не долетел совсем немного, километров пятьдесят.

Я посмотрела на двух своих подчиненных – весь личный состав нашей группы – и сказала:

– Можете считать это вводным инструктажем перед прибытием на место. Мне осталось сообщить вам очень немного. Место падения самолета на расстоянии примерно пятидесяти километров к юго-юго-западу от Красноводска в точке с координатами 39 градусов 40 минут северной широты и 52 градуса восточной долготы. Причина катастрофы неизвестна, диспетчер зарегистрировал мат в эфире, после чего самолет пропал с экрана локатора. Посланные на место его исчезновения самолеты аэроразведки провели аэрофотосъемку предполагаемого места катастрофы, и на снимках он был обнаружен в указанной точке. Глубина моря в этом районе – от двадцати до двухсот метров. Самолет лежит на глубине тридцати метров на склоне подводной впадины. Над местом катастрофы сейчас стоят три спасательных судна. Мы будем работать на «Посейдоне». Сейчас монтируется аппарат для спуска спасателей к самолету.

– Как погода? – спросил Кавээн.

– Прогноз ненадежный, – ответила я. – Ветер северный, на море – среднее волнение, штормового предупреждения не передавали. Сейсмическая обстановка – устойчивая, толчков, даже отдаленных, не наблюдается. О жертвах не сообщается, возможно – все двадцать пассажиров погибли вместе с экипажем. Водолазы еще не спускались, и информации о самолете нет никакой.

Отряд мой молчал. А что говорить? Нужно своими глазами взглянуть на место катастрофы. Хотя что там смотреть – такие же волны, как и здесь, за бортом нашего катера. И пустынное море вокруг. Только три спасательских судна над невидимым под водой самолетом. Вот и все, что мы сможем увидеть на месте катастрофы.

Нет, нужно вниз спускаться, тогда хоть что-то прояснится, и только тогда мы сможем решить, успеем спасти людей, попавших в беду, или нет... Если, например, уклон дна там, где лежит самолет, большой, на наших попытках вызволить их можно поставить крест. Малейший толчок приведет к тому, что самолет соскользнет вниз, еще глубже, а при этом может еще и на отдельные части развалиться. Тогда все – конец!

Конечно, даже тогда мы будем пытаться их спасти. Но – уже без особой надежды, что кто-нибудь остался там живой...

Я так задумалась, что не сразу обратила внимание, что Игорек с дядей Сашей Кавээном сидят, уставившись в одну точку, и что-то сосредоточенно и удивленно рассматривают впереди...

– Что вы там увидели, Игорь? – спросила я и лишь потом посмотрела туда же, куда и они...

Признаюсь, что увиденное мной меня тоже поразило. Прямо на нашем пути по воде, словно посуху, двигался... железнодорожный состав! Было от чего остолбенеть. Не сразу я рассмотрела, что вагоны стоят парами и что впереди этих столь непривычных на море сугубо сухопутных транспортных средств идут два небольших спаренных катера-буксира. Они тащили несколько сцепленных между собою барж, на которых и стояли товарные вагоны.

– Товарняк пошел, – ответил на мой вопрос Игорь. – Интересно, а пассажирские, курьерские и скорые здесь тоже ходят?

Я пожала плечами:

– Нет, Игорь, наверное, только электрички...

Железнодорожный паром прополз поперек нашего пути, и мы неожиданно увидели три корабля, прежде скрытые от нас за вагонами.

– Вот мы и на месте, – сказал Кавээн. – Который тут «Посейдон»?

– Где вас черти носят? – «приветствовал» нас молодой полковник МЧС, командовавший работами на «Посейдоне». – Через час уже члены комиссии здесь будут, а у нас еще информации никакой нет. Что мне им докладывать? Что несколько часов ждал спасательную группу?

– Комиссия посидит и без информации, ничего с ней не случится. Да и с вами тоже, полковник! – резко ответила я, возмущившись тем, что он все поставил с ног на голову. – А вот людям, которые там, под водой, возможно, дышать уже нечем! У вас готов аппарат?

– Минут через сорок будет готов специальный тамбур, который можно герметично присоединить к обшивке самолета... – пробормотал он.

Я посмотрела на него уничтожающе. Вот такие, как этот полковник, «спасатели» разваливают наше МЧС! Его больше всего беспокоит, как он будет выглядеть в глазах прибывающего начальства, а о людях, находящихся в экстремальной ситуации и ждущих его помощи, он и не думает. Вот главная опасность для нас, а вовсе не происки наших противников. Самый страшный враг тот, что внутри нас самих.

– Приготовьте немедленно легкий акваланг! – сказала я полковнику. – Пока вы там будете возиться со своим аппаратом, я сама спущусь к самолету, посмотрю на все своими глазами...

– Вам нечего там делать, капитан! – резко возразил мне полковник. – Мои люди уже спускались на дно и делали рекогносцировку...

– Им удалось выяснить, живы пассажиры или нет? – перебила я.

Полковник покачал головой.

– У них было другое задание, – сказал он. – И они его выполнили. А вам, капитан, не мешало бы помнить о существенной разнице в звании и в должности, которая между нами существует!

Я разозлилась.

«Так ты мне свои погоны будешь в нос совать? – подумала я угрожающе. – Хорошо, полковник, сейчас мы всех по своим местам расставим».

У каждого человека есть какие-нибудь психологические проблемы. Это его наиболее болезненное и тщательно скрываемое место. Опытному психологу достаточно, однако, внимательного взгляда и нескольких фраз, чтобы в общих чертах установить суть психологической проблемы конкретного человека – они все типичны и в силу того – схожи у разных людей. Вот дальше начинается уже сфера индивидуального – у каждого конкретного человека одна и та же проблема развивается по-разному, в зависимости от частностей его жизни. Но мне и не нужно было знать о жизни этого испуганно-нагловатого полковника ничего личного и индивидуального. Он целиком укладывался в общую схему. Я заметила, что, слушая меня, он украдкой пялился на мою грудь.

– Вам, полковник, тоже не мешало бы помнить, что вы взрослый и полностью свободный в своих поступках человек, – сказала я, подойдя к нему вплотную. – Перестаньте думать о том, что и мама, и начальство очень далеко от вас на берегу и вам не у кого спросить, что делать дальше... Здесь начальник вы, и вы должны принимать решение самостоятельно, как бы страшно для вас это ни было.

Я понизила голос и перешла на громкий шепот, слышный только мне и ему, поскольку остальное касалось только нас двоих и я вовсе не хотела, чтобы Игорек и Кавээн слышали мои слова.

– И прекратите наконец грезить, как приятно и спокойно было бы уткнуться в мои груди и заснуть на них. Женская грудь предназначена для мужчин, а не для мальчиков!

Полковник покраснел и плотно сжал тонкие мальчишеские губы. Он явно хотел что-то мне ответить, но легкое покачивание палубы под ногами напоминало о том, что под ногами у нас не твердая и надежная почва, а колеблющаяся поверхность воды, скрывающая под собой неясные опасности и неизведанные глубины.

Неважно, что судовой эхолот показывал всего тридцать метров глубины, – чувственное восприятие всегда берет верх над логикой и здравым смыслом, особенно в таких неустоявшихся зависимых натурах, как этот еще не вышедший из младенческого возраста полковник. Поверхность воды он скорее всего воспринимал как бездну под ногами, а самостоятельность была для него столь же пугающей бездной.

Он оторвал наконец глаза от складок комбинезона на моей груди и посмотрел мне в глаза.
– Делайте, что хотите, – и, быстро повернувшись, ушел к себе в рубку.

Я вздохнула, с горечью убедившись в верности своего мгновенного диагноза. Я была бы рада ошибиться в своих представлениях об этом человеке, но, к сожалению, он был именно тем, кем был, – типичным представителем современных мужчин – слабых и целиком переложивших на плечи женщин всю ответственность за устройство нашей общей жизни. Такие, по моему, сами не вполне уверены, что они – мужчины. А обилие голубого оттенка в современных сексуальных отношениях лишь утверждает меня в этом предположении.

Игорек сказал мне негромко на ухо:

– Здорово ты его отшила! Интересно, что ты ему там шептала?

– Игорь! Ты не хочешь покраснеть так же, как он? – спросила я Игорька, который постоянно пытался научиться моим профессиональным приемам. – Тогда не спрашивай о том, чего я не стремлюсь рассказывать сама. Давай-ка, быстро готовь акваланги. Спустишься со мной к самолету.

Вода в Каспийском море была не настолько теплой, чтобы получить удовольствие от купания пасмурным днем ранней осени. Поэтому мы облачились в тонкие шерстяные костюмы, натянув поверх них комбинезоны из прорезиненной ткани.

Кавээн проверил наши аппараты, убедился, что баллоны с дыхательной смесью полностью заправлены, и помог нам надеть их.

Мы спустились на специальную площадку для погружений у самой воды и прополоскали водой маски, чтоб стекла не запотели. Я помахала Кавээну рукой и спиной плюхнулась в воду.

Меня поразили контраст в ощущениях, которые я по привычке сразу же стала анализировать. Волнующаяся от довольно заметного ветра поверхность моря сменилась тишиной и спокойствием подводного мира. Только колеблющаяся над головой серебристая поверхность воды напоминала, что где-то существуют волны и ветер.

Я задрала голову и увидела фигуру Игорька, в туче серебристых воздушных пузырьков ввалившегося сквозь поблескивающую перламутром крышу. Он принялся выделывать руками и ногами бестолковые движения, привыкая к управлению своим телом под водой.

Я просигналила ему рукой – спускаемся, мол, вниз, к самолету, и мы, зашевелив ластами, повернулись головами к лежащей на дне цели нашего погружения.

Вдруг беспокойная мысль об акулах, гигантских осьминогах, электрических скатах и прочих морских чудюдах пришла мне в голову. Я оглянулась по сторонам, но ничего, кроме сгущающейся метрах в тридцати от нас сероватой мглы, не увидела.

Какие-то рыбешки, очень похожие на обычных селедок, шныряли вокруг нас и вели себя совершенно спокойно. Глядя на них, я тоже успокоилась, к тому же даже вспомнила, что в Каспийском море ни акулы, ни осьминоги не водятся. Даже если это и не так, я быстро себя в этом убедилась, чтобы не отвлекаться на всякие не относящиеся к работе страхи.

Дно сливалось в сплошную темную поверхность под ними, и только более темная часть этой поверхности позволяла догадаться, что там склон подводного обрыва и большая глубина. Оставленный водолазами с «Посейдона» фонарь-маячок на якорь-аккумуляторе подсказывал нам с Игорьком место расположения самолета.

Постепенно глаза начали различать огромную светлую сигару, боком лежащую на склоне дна. Одно крыло самолета вонзилось в ил и удерживало его от сползания с обрыва. Это была

несомненная удача. Но глубоко ли оно вонзилось и прочно ли удерживает корпус самолета? Никто не мог ответить на эти вопросы.

Мы с Игорем опустили прямо к фонарю, прикрепленному к торчащей кверху хвостовой части самолета. Я помахала рукой, объясняя, что пойду вдоль правого борта самолета, а он должен идти вдоль левого. Игорек закивал головой – понял, мол.

Осторожно перебирая по поверхности самолета руками, я двинулась вдоль фюзеляжа, стараясь держаться ближе к иллюминаторам, почти прижатым к склону дна. Как только стало возможным, я попыталась заглянуть внутрь, но ничего, кроме своего отражения на черном фоне за стеклом, не увидела. Только тишина и неподвижность.

Я пробралась к двери и попыталась ее открыть, зная, впрочем, что без специальных инструментов сделать это совершенно невозможно. Когда я толкала дверь, мне показалось, что корпус самолета слегка качнулся, и я в испуге застыла. Я прекрасно понимала, что одной мне не под силу сдвинуть самолет даже из точки неустойчивого равновесия, но тем не менее больше не решилась искушать судьбу. Вдруг мой слабый толчок станет той последней каплей, которая свалит самолет в пропасть?

Иллюминаторы в носовой части упирались в заиленный склон дна, и мне ничего не оставалось, как сделать попытку добраться до кабины пилотов, наполовину скрытой за огромной грудой ила, которую самолет выпал из своего носа при падении.

Первое, что я обнаружила, добравшись до носовой части, – разбитый фонарь кабины, полностью залитый водой. Это была плохая новость, хотя и наивно было бы ожидать, что самолет сохранит герметичность при падении в воду и ударе о дно, но я все же надеялась. Теперь оставалось надеяться только на то, что хвостовая часть осталась неразрушенной и воздух, скопившийся в ней, позволит людям продержаться хотя бы несколько часов, за которые мы должны успеть до них добраться и спасти.

Я напряженно глядя в глубь пилотской кабины и вдруг увидела лицо человека, прижатое к стеклу. Глаза эти были широко раскрыты и в них явственно читались страх и боль. Рот тоже был открыт – то ли в крике, то ли в последней попытке вздохнуть. Я не могла оторвать от него взгляда.

В профессии психолога есть свои недостатки, или, если хотите, «издержки производства», как выражался преподаватель общей психологии университета, в котором я училась. Главный из этих недостатков – я всегда представляю психическое состояние человека, которого вижу перед собой. Сейчас передо мной был труп человека, умершего мучительной смертью, и я читала в его глазах все, что он пережил в последние мгновения своей жизни.

Волна ужаса, паники и страстного желания вырваться из-под воды на воздух мгновенно охватила меня, но я не могла сдвинуться с места, не в силах оторвать глаз от взгляда мертвого пилота.

Чья-то рука легла мне на плечо, и в ужасе я рванулась кверху, на воздух, на свободу из этой сдавливающей мою грудь воды...

Резкий удар головой о выступающий козырек кабины привел меня в себя. Перед глазами пошли красные круги, но страх и паника испарились.

Я огляделась и увидела Игорька, дергавшего меня за руку и в тревоге заглядывающего мне в лицо.

«Я в порядке! – показала ему жестами. – Один мертвый в кабине пилотов».

«Я не нашел никаких следов того, что пассажиры живы», – ответил мне Игорь.

«Так они все погибли, что ли?» – спросила я.

«Не знаю! Может быть! Не уверен», – пожал плечами Игорек.

«Если кто-то остался жив, то только в хвостовой части, – показала я Игорю на торчащий вверху над нами хвост самолета. – Пошли туда».

Мы перебрались к хвостовым иллюминаторам.

Внутри салона самолета было по-прежнему темно и безжизненно. Как мы ни заглядывали в иллюминаторы, ничего рассмотреть нам не удалось.

Я отцепила с пояса нож с тяжелой металлической ручкой и начала осторожно стучать по обшивке рядом со стеклом иллюминатора.

«Ответьте, кто жив! – выстукивала я азбукой Морзе букву за буквой. – Стучите по корпусу самолета! Ответьте, кто жив!»

Передав свою просьбу три раза подряд, я замерла, приложив ладони к обшивке самолета. Игорьк застыл рядом в таком же напряженном ожидании.

Я ждала целую минуту. Ни малейшего колебания мои ладони не почувствовали.

Горькое чувство разочарования начало наполнять меня – я была уверена почему-то, что хоть кто-то из пассажиров останется жив и его удастся спасти.

И вот – молчание в ответ!

Ничего не поделаешь, видно, придется вытаскивать из самолета только тела погибших. В любом случае мы сделаем это, жив кто-то из них или нет. Все будут подняты на поверхность. Уважение к живым начинается с уважения к мертвым. Или по-другому, так, как эта мысль звучит в неписаном Кодексе Первых Спасателей: «Уважай брэнное тело – оно носитель бессмертной души!»

«Все, ребята, – подумала я, обращаясь к еще живым для меня пассажирам самолета. – Даю вам последний шанс! Слушаю еще минуту. После чего мы с Игорьком поднимаемся с печальными для всех известиями».

Я передала свой призыв к пассажирам самолета еще три раза и прождала еще секунд сорок. И вдруг чуть не подпрыгнула от радости, хотя и не представляю себе, как можно подпрыгнуть под водой.

Мои ладони явственно ощутили слабый ответный стук. Я возбужденно махнула Игорьку рукой:

«Слушай!»

Он тоже приложил ухо к обшивке. Слабый ритмичный стук прозвучал для моих ушей слаще любой райской музыки. Я знала, что они живы! Мы спасем их! Нужно только узнать, как они и сколько еще могут продержаться.

Я попыталась сформулировать все это в одной короткой фразе, но тут начала понимать, что мне тоже отвечают азбукой Морзе, просто слышно плохо и некоторые буквы выпадают из слов...

«В результате взрыва в носовой части... пятнадцать человек. Трое погибших. Самостоятельно... не сможем. Двери заклинило. Есть раненые. Торопитесь, воздуха осталось на... часа...»

Не сговариваясь, мы с Игорем рванули к поверхности. Сколько воздуха осталось в салоне самолета? На полчаса? На полтора часа? Или на два-три часа? Мы должны исходить из самого худшего варианта, из расчета, что воздуха у пассажиров осталось всего на полчаса. А полчаса – слишком маленький срок, чтобы успеть вытащить из самолета, лежащего на дне моря, пятнадцать человек.

Глава вторая

Когда я вынырнула рядом с темным пятном корпуса «Посейдона», я буквально не узнала того моря, которое я видела только что, перед погружением. Вокруг значительно потемнело, серые клочковатые облака, застилавшие небо сплошной пеленой, сбились в кучки, потемнели и мчались над водой с устрашающей скоростью. Волнение на море увеличилось, пена забивала лицо и мешала как следует рассмотреть, что происходит над поверхностью.

«Черт! Ветер поднялся! – подумала я, раздраженно ругнув метеорологов, будто они были виноваты в том, что ветер усилился. – Этого только не хватало. Через полчаса высотный ветер спустится вниз, и тогда здесь начнется такое веселое представление, что лучше на поверхность вообще не соваться».

Рядом со мной вынырнул Игорек и тоже принялся озираться на темное небо и мчащиеся по нему облака. С «Посейдона» увидели, что мы вынырнули, что-то закричали и замахали нам руками.

Я подплыла к площадке для погружений, которая то выныривала из воды на метр-полтора над моей головой, то погружалась в такт бортовой качке судна. Главное – не сунуться под нее, когда она начнет опускаться, – запросто можно себе что-нибудь сломать или проломить голову. Я выждала момент, когда стальная площадка опустилась вниз и коснулась воды, и ухватилась за поручень.

Меня поволокло вниз, под воду, я вновь нырнула вместе с поручнем, но из рук его не выпустила. Через пару секунд движение замедлилось и меня так же неудержимо поволокло кверху. Вместе с площадкой я выскочила наверх, с меня полетели брызги и струи воды. Нужно было торопиться, если я не хотела нырнуть еще раз.

Чья-то твердая и очень уверенная рука подхватила меня и выдернула вверх с начавшей уже следующее погружение площадки.

– Зазевалась, капитан Николаева! – крикнул мне в ухо знакомый голос, перекрикивая шум ветра и грохот волн. – Или купаться понравилось?

«Чугунков! – обрадовалась я, но тут же поникла: – Сейчас он меня спросит, намерена ли я выполнять его запрет на разработку агента ФСБ. Что я ему отвечу?.. Впрочем, сначала – люди, которые ждут нашей помощи. Все остальное – потом!»

– Там, – я показала рукой на волны с белыми гребешками пены, – спокойнее, чем здесь.

Я только что поднялась с места катастрофы на поверхность и самой ситуацией была поставлена в центр внимания. И Чугунков, и полковник, руководящий работами на «Посейдоне», и вообще все остальные ждали моего доклада о результатах погружения.

Кавээн помог мне снять акваланг, и, не снимая комбинезона, я прошла в кают-компанию, потому что на воздухе разговаривать можно было, только крича друг другу на ухо, если, конечно, такой способ общения можно назвать словом «разговаривать».

– Садись, Николаева, – приказал мне Чугунков. Как старший по званию, он мог распоряжаться ситуацией. – И рассказывай – что видела? Люди живы?

Я кивнула, принимая из рук Кавээна огромную чашку чая и делая большой глоток обжигающе горячего и до терпкости крепкого напитка.

– Нам удалось установить контакт с пассажирами самолета и принять от них сообщение, – сказала я, обращаясь к Чугункову. – Кто из них передал сообщение, выяснить не удалось. На борту самолета остались в живых пятнадцать человек. Самостоятельно выбраться они не смогут, двери заклинило в результате ударов о воду и дно. Трое погибли, местонахождение еще двоих установить не удалось, есть предположение, что один из пропавших – пилот, труп которого мы обнаружили в командной рубке. По сообщению пассажиров, воздуха у них осталось немного. Минимум – на полчаса, хотя сообщение не удалось принять полностью.

Чугунков тут же поднялся.

– Полковник Свиридов, немедленно начинайте спуск тамбур-трапа для эвакуации пассажиров, – сказал он. – Сколько человек вы можете поднять за один раз?

– Шестерых, – ответил Свиридов, вытянувшись по стойке «смирно», чем вызвал едва заметную усмешку генерала Чугункова. – Разрешите идти?

– Идите! – раздраженно ответил Чугунков и добавил ему в спину: – И не забудьте проследить, чтобы спасатели взяли кислородные баллоны для тех, кто останется в самолете. Когда вы будете присоединять свой тамбур-трап, из салона могут выйти остатки воздуха...

– Так точно, господин генерал! – Свиридов чуть каблуками не шелкнул, стремясь показать, что он все помнит и сделает все правильно. – Разрешите идти?

– Да идите, черт вас возьми! – уже не скрывая раздражения, заорал Чугунков и вновь всем корпусом повернулся ко мне.

– Менделеев жив или он среди тех трех погибших? – спросил он.

– Не знаю, – ответила я. – Акустический контакт с салоном самолета был очень слабым, неустойчивым. А времени – в обрез. Мы не имели права задерживаться, чтобы выяснять это.

– Конечно, – сказал, тяжело вздохнув, Чугунков. – Вы поступили правильно...

– Константин Иванович, – сказала я, увидев, что мы остались в кают-компании одни. – Я не все сообщила из того, что передали с самолета.

Чугунков внимательно посмотрел на меня.

– Ну, что еще там стряслось? – спросил он напряженным голосом.

– Причиной катастрофы послужил взрыв в носовом отсеке самолета, – ответила я. – Однако, насколько я знаю теорию авиационных катастроф, в носовой части просто нечему взрываться...

– Кроме взрывных устройств, – перебил меня Чугунков. – Ладно. Об этом мы с тобой пока даже рассуждать не можем. Придется ждать, когда поднимут пассажиров. Гадание на кофейной гуще – не наш метод.

Чугунков замолчал. Мы оба молча сидели за столом и пили – я чай, он – кофе. Чашки приходилось держать в руках, потому что бортовая качка усилилась и на столе чашка просто не удержалась бы.

Молчание не успокаивало, а скорее наоборот – раздражало меня.

«Ну, что ты молчишь? – молча обращалась я к Чугункову, изредка отрывая взгляд от своего стремящегося выплеснуться из чашки чая и поглядывая на генерала. – За друга своего переживаешь? Ну так отдал бы приказ этому Свиридову, чтобы тот в нарушение всех наших неписаных законов первым поднял на борт твоего Менделеева. Свиридов обязательно так и сделал бы – он, судя по всему, обожает лизать задницы начальству... Интересно мне, генерал, заглянуть в твою черепушку, о чем ты сейчас думаешь?»

Чугунков словно прочитал мои мысли.

– Радиостанция «Эхо Москвы» о падении самолета сообщила через десять минут после того, как все случилось, – вдруг сказал он мне. – На пять минут раньше, чем об этом узнал я...

Я поставила чашку с недопитым чаем на стол. Кают-компания в очередной раз качнулась вместе со всем «Посейдоном», чашка съехала со стола и разбилась. Я посмотрела на осколки и спросила Чугункова:

– Почему вы сообщаете об этом мне, Константин Иванович?

Он посмотрел на меня тяжелым взглядом и сказал то, чего я никак не ожидала:

– Я думаю, если Николай Яковлевич Менделеев находился на борту этого самолета, когда произошел взрыв, ты, наверное, со спокойной совестью можешь исключить его из списка подозреваемых.

– О чем вы, Константин Иванович? – решила все же на всякий случай уточнить я, хотя прекрасно поняла, что он имеет в виду.

Он посмотрел на меня, усмехнулся:

– Даже если ты пообещаешь, что забудешь о том тайном агенте, который якобы работает среди нашего руководства, я тебе не поверю... Мы проверили канал, по которому информация о падении самолета попала на «Эхо Москвы». Угадай, на кого мы вышли?

– На человека, связанного с ФСБ? – спросила я.

Он покачал головой:

– Вовсе нет. Это было бы слишком просто, и легко можно было бы справиться со сложившейся ситуацией. Вышли на маленького, незаметного человека из предвыборного политического объединения, в которое входит около десятка политических партий и общественных движений. Маленький клерк, который ни за что не отвечает и ничего не знает, я в этом уверен. Его просто использовали как передаточное звено, чтобы сбить нас со следа. И мы пока не сможем узнать, чьих рук дело эта катастрофа. Никаких доказательств у нас нет. Нет даже информации, над которой можно было бы размышлять.

Чугунков ударил себя кулаком по колену.

– И еще – я начинаю тебе верить, – сказал он. – Кто-то из наших передает им информацию. Таковую, о которой знает весьма ограниченный круг людей. Буквально – несколько человек...

– Это не может быть совпадением? – спросила я.

– Менделеев летел в Красноводск не в отпуск, – сказал Чугунков тихо и довольно туманно. – Он вообще не в Красноводск летел. Он должен был встретиться в Ашхабаде с министром МЧС Туркменистана, чтобы обсудить перспективы сотрудничества на южных границах бывшего Союза. Об этом, кроме нашего министра, знали только четыре человека. А теперь выходит, что об этом знали не только мы...

«Сам Менделеев, Чугунков, – тут же прикинула я, – кто же еще двое? Ах да – главбух министерства Елена Вениаминовна Крупнова, мне о ней Грэг говорил... И сам Григорий Абрамович? Но он уже почти месяц в больнице! Выходит, этот визит Менделеева в Туркмению был запланирован еще больше месяца назад? Что они там, интересно, затеяли? У них идет какая-то крупная игра, о которой Чугунков, конечно, ничего мне не скажет... Но, похоже, он наконец поверил, что их кто-то постоянно подставляет. Причем кто-то именно из этой первой пятерки. Но кто? На любого подумать трудно! И в то же время – можно».

– Я знаю, что у тебя творится сейчас в голове, – сказал Чугунков. – Можешь подозревать любого из нас. Я скажу только о себе, хотя мои слова нельзя, конечно, расценивать как доказательство, – я не связан ни с какой организацией, враждебно настроенной к МЧС. За остальных не ручаюсь...

Я видела, с каким трудом дались эти слова Константину Ивановичу. Ведь минуту назад он советовал мне исключить из числа подозреваемых Менделеева. Но он прав – дай ему волю, он исключит из него всех пятерых. А агент так и будет продолжать свою предательскую работу, направленную на развал МЧС.

– Почему вы решили поручить это дело мне? – спросила я Чугункова, хотя уже почти знала ответ.

– Потому, что я сам не могу этим заниматься, – ответил он с неожиданной для его сурового и даже порою мрачного лица тоской. – Я не могу подозревать никого из них. И доверить это дело не могу никому. Кроме тебя. Потому что тебя я знаю, это раз. Григорий за тебя поручился – это два. И с тебя, с твоего сообщения об этом агенте все началось – это три...

Генерал вздохнул, посмотрел на часы и встал.

– Ну все, – сказал он решительно, – время! Минут через пять должны поднять первую группу пассажиров. Пойдем на палубу... Если, конечно, все идет по плану, – добавил он, обернувшись в дверях. – И никаких взрывов больше не будет...

– Типун вам на язык, Григорий Иванович! – воскликнула я, выбежав вслед за ним на палубу.

В лицо ударил порыв ветра, и я схватилась за плечо Чугункова, вцепившегося в бортовое ограждение. Он обернулся и крикнул, улыбаясь:

– Держись, Николаева! А то тебя еще придется вылавливать!..

Он показал на внушительные в своей тупой устремленности волны, настойчиво бухающие в борт «Посейдона». Я представила себя в этом кипящем движении воды и зябко повела плечами. Нет, уж лучше спуститься пониже – под поверхность, где нет ни ветра, ни мотающих тебя из стороны в сторону мечущихся между трех «спасателей» волн беспокойного Каспия.

К нам подскочил полковник Свиридов и, бросив на меня уничтожающий взгляд, прокричал:

– Сняли шесть человек. Аппарат идет к поверхности. Поднимут через две минуты. Кислородные подушки переданы в салон самолета.

– Сколько рейсов потребуется, чтобы снять всех? – спросил Чугунков.

– Три, – ответил Свиридов. – Третьим рейсом заберем и умерших. Пока мы выгружаемся, начал спуск такой же аппарат, с «Нереиды», третий рейс опять нам придется сделать...

– Я не понял – что значит «придется»? – крикнул ему Чугунков.

Свиридов отвернулся, будто от порыва ветра, но я прекрасно поняла, что он пытается скрыть, как покраснел от стыда.

– Я имел в виду, что второй рейс мы сделать не успеем, нам достанется только третий, – принялся он объяснять, перекрикивая свист ветра.

Чугунков не стал слушать его объяснений.

– Ну так выражайтесь яснее! – крикнул генерал, перебивая Свиридова. – Чтобы я с первого раза понимал вас правильно!

– Так точно, товарищ генерал! – выпалил Свиридов. – Разрешите идти?

Чугунков только рукой на него махнул, не глядя, – проваливай, мол!

Над поверхностью воды метрах в тридцати от «Посейдона» показалось странное сооружение неправильной формы, которое тут же отчаянно закачалось на волнах, так как центр его тяжести находился довольно высоко, отчего сооружение постоянно грозило опрокинуться вверх дном.

Представляю, что сейчас творилось там внутри! Люди в этом аппарате колотились о стены и друг о друга, словно мячики, – разбивая лбы и носы друг другу. Небольшим краном аппарат подтянули к борту «Посейдона» и подняли над поверхностью воды.

Ветер раскачивал аппарат и не давал опустить его на палубу, грозя разнести в щепы палубные надстройки. Наконец, когда порывы ветра немного утихли, аппарат удалось поставить на палубу, и команда «Посейдона» тут же принялась закреплять его, чтобы он не опрокинулся от ветра.

Измученных пассажиров самолета по одному вытаскивали из аппарата и вели по каютам. Сами они шли с трудом – сил не хватало сопротивляться порывам ветра, набросившегося на нас с новой силой, словно злобствуя, что позволил людям пересилить стихию.

Среди спасенных было три женщины и трое раненых мужчин, одного из которых пришлось нести – у него оказались сломанными обе ноги. У двух других повреждения были менее серьезными. Люди валялись с ног от усталости и психологической реакции на свое спасение, на то, что их мучения наконец-то закончились. Разговаривать с ними было практически невозможно. Но попытаться все же стоило.

Выбрав бодрее других державшуюся женщину, мы с Чугунковым направились в каюту, куда ее поместили, и увидели закутанную в одеяло матрону лет пятидесяти, смотрящую на нас с вызовом.

Чем вызвали мы ее негодование, я не сразу поняла, но потом мне стало ясно, что она не могла не искать виновника катастрофы, мы же просто оказались первыми, кто попался ей на глаза. Нам и досталось.

Она, прищурившись, строго посмотрела на нас близорукими глазами и заявила низким мелодичным голосом, полным возмущения:

– Имейте в виду – я подам в суд! На тех, кто все это устроил. И вы мне ответите! Вы заплатите за весь этот ужас! Я чуть не умерла от страха, когда самолет начал прыгать по волнам. Я разбила себе лицо, наконец! Мне просто – больно! Вот! Любуйтесь!

Она полностью освободила лицо от одеяла, и я увидела огромный синяк, захвативший добрую половину ее лица. Зрелище было, конечно, малоэстетичное, но я не забывала, что женщина-то осталась жива и отделалась в конечном счете легким испугом. Ну, еще синяком... Другим повезло меньше... Хотя для нее это, не спорю, слабое утешение.

Женщина заплакала и вновь уткнулась в одеяло...

Чугунков кашлянул и сказал:

– Извините. – Он запнулся, но, заглянув в список пассажиров, продолжил: – Тамара Алексеевна. Вас ведь так зовут?

Она закивала головой, не прекращая рыдать.

– Ну вот, видите! – обрадовался Чугунков. – А меня – Константин Иванович!

Женщина перестала рыдать, подняла на него глаза и сказала всхлипывая:

– Очень приятно...

– А уж мне-то как приятно, что нам удалось вас поднять со дна морского! – воскликнул Чугунков. – Вы просто поверить не можете...

– Это такой ужас! Такой ужас! – вновь попыталась причитать женщина, но получилось у нее уже менее трагично, чем сначала.

Я знала, что судовой врач сделал ей укол – что-то из сильнодействующих транквилизаторов – и сейчас это должно было подействовать. Она действительно успокаивалась на глазах.

– Сначала этот взрыв! Потом безобразная драка в салоне, прямо рядом со мной. Эти двое никак не могли свалить огромного такого мужчину, очень высокого роста и, вероятно, очень сильного. Впрочем, это не имеет значения. Когда самолет первый раз ударился о воду, драка тут же прекратилась...

– Постойте, Тамара Алексеевна, – вмешалась я. – Вы сказали, был какой-то взрыв?

– А это, собственно, кто? – спросила она Чугункова, показывая на меня жестом недоумения.

Я чуть было не взъярилась от такой наглости, но вовремя сообразила, что вид-то у меня действительно странноватый – на прорезиненный костюм легкого водолаза я накинула только штормовку, а моя обтянутая резиной голова своим видом вызывала, наверное, мысли о неожиданных контактах с инопланетянами.

«Мне только еще ручные ласты надеть не хватало!» – подумала я.

– А это тот самый капитан спасателей, который первым обнаружил, что пассажиры самолета остались живы, – ответил Чугунков на вопрос обо мне.

– Так это вы стучались к нам в самолет? – обратилась женщина ко мне весьма учтиво, словно спрашивала у соседа, не стучался ли тот минут пятнадцать назад в дверь ее квартиры...

Мне почему-то захотелось ответить небрежно, легко, словно речь шла о приятной прогулке в загородном парке, а не о спуске под воду к попавшему в катастрофу самолету.

И я уже раскрыла рот, чтобы сказать: «Да, знаете ли, хотелось просто заглянуть к вам, узнать, как вы? Все ли в порядке?»

Но тут до меня дошло, в какое смешное положение я попала. И подставил меня Чугунков, это с его ответа обо мне началось формирование ее отношения ко мне. «...Тот самый капитан, который первым обнаружил...» Ну, спасибо большое, Чугунок!

Она же за мужчину меня принимает! Я припомнила свои ассоциации на ее слова, обращенные ко мне, и едва не рассмеялась – я же сама ощущала себя мужчиной. Вот что значит – командовать мужчинами и выполнять мужскую работу. С кем, как говорится в известной русской пословице, поведешься, от того и наберешься. Я имею в виду – мужской психологии наберешься.

Чтобы не продолжать дальше этот дешевый маскарад, я подцепила большими пальцами верх прорезиненного комбинезона и стащила его с головы.

– Ох, простите, милочка! – воскликнула женщина. – Я, кажется...

Она готова была извиниться за то, что приняла меня за мужчину, но тут же сообразила, что вслух об этом она не говорила, стало быть, и не догадался никто. Но начало фразы было уже сказано, а Тамара Алексеевна, судя по всему, была из дамочек интеллигентных и терпеть не могла глупых положений. Теперь она просто вынуждена была закончить свою начатую фразу. И она сообразила, как ей вывернуться из сложной ситуации.

– Я, кажется... – повторила она, – теперь я, кажется, вас узнала! Вы же заглядывали там, под водой, в иллюминаторы самолета!

Я кивнула. Хотя знала, что узнать она меня никак не могла хотя бы потому, что я была в плавательной маске. Да скорее всего – она меня и вообще не видела. Просто Тамара Алексеевна сообразила, что я должна была заглядывать в иллюминаторы.

– Конечно! – сказала я. – Конечно, я заглядывала. Да я и сама вас сразу узнала, Тамара Алексеевна. У вас такая примечательная внешность...

Она сначала заулыбалась, транквилизатор все же затормозил ее реакции, но секунду спустя вспомнила о своем синяке в пол-лица и позеленела от злости. Не сомневаюсь, что услышала бы в свой адрес нечто источающее тонкий женский яд, но тут вмешался Чугунков, решивший взять ситуацию на себя. Во избежание дальнейших боевых действий между двумя женщинами.

– Тамара Алексеевна, – спросил он. – А драка в салоне случилась уже после взрыва или до него? Вы, конечно, хорошо помните это, ведь драка началась, как вы сказали, рядом с вами.

– Что вы, что вы! – устало сказала она, сразу полностью переключившись на мужчину, да еще столь представительного и мужественного, как генерал Чугунков. – Они начали драться у самого прохода к кабине пилота. Этот огромный детина, он хотел ворваться туда и захватить самолет. Но пилот и еще один человек, он пропал потом куда-то, не пускали его. Но пилот был невысок ростом, этот второй – вообще худой, как... как...

Она быстро метнула в меня весьма ядовитый взгляд и продолжила:

– Ну, по крайней мере, похудее вашей бравой капитанши. Так вот... О чем это я? Ах да! А тот в кабину к пилотам хотел прорваться, я уже говорила, огромный такой, их еще шкафами называют... Или как это?... Жлоб! Да! Огромный жлоб! Он в самолете согнувшись ходил, голова не умещалась. Я думала, он этих двоих на части сейчас разорвет! Но нет, худенький который оказался ловким очень. Он закричал как-то по-японски, встал в стойку – прямо как ниндзя из мультфильма, который моя внучка смотрит, и принялся махать ногами. И представляете, этот жлоб, который как шкаф, он отлетел прямо к моему креслу. Я еще наклонилась к нему, помню, и спрашиваю: «Вы не ушиблись?» А он такой грубый, вы себе не представляете! Он мне ответил совершенно по-хамски! Он сказал: «Уйди, тетка, зашибут тебя!» Представляете? Ну, тут я ему все высказала! Все, что я о нем думаю! Он аж покраснел весь и тут же убежал от меня, лишь бы не слушать, что я говорю!

Чугунков воспользовался паузой и, пока она переводила дух, поспешил вставить:

– А что вы, Тамара Алексеевна, думаете о пилоте, который с ним дрался?

– Вы меня, пожалуйста, не перебивайте, дорогой мой! – заявила Тамара Алексеевна. – О пилоте я ничего не думаю, потому что о нем и думать-то нечего! Он выполнял свой долг! Он защищал рулевую кабину от нападения этого злодея, который туда рвался.

– А второй? – успел вставить Чугунков. – Тот, который худой? Он откуда вообще взялся?

Мне было не совсем понятно, почему Константин Иванович ничего не расспрашивает о мужчине высокого роста, который, по утверждению женщины, рвался в кабину управления самолетом. Но я решила не вмешиваться, тем более что у меня отношения со свидетельницей происшествия с самого начала не сложились.

– Худенький? – переспросила Тамара Алексеевна. – Ниоткуда он не взялся. Он, наверное, в салоне самолета сидел, среди других пассажиров. А когда увидел, что на пилота нападают, решил помочь. И он хорошо помог, хорошо, как говорит мой внук, отмудохал этого верзилу.

– Что, простите, он сделал? – не понял Константин Иванович.

– Ну-у, это мой внук так выражается, когда хочет сказать – «сильно побил»... Я думала, так понятнее будет. Он ведь на самом деле так его ногами и норовил все по лицу, по лицу...

– И куда потом девался? – спросил Чугунков. – Вы сказали, он куда-то пропал?

Тамара Алексеевна посмотрела на него растерянно, словно вспоминала, откуда он взялся.

– Вот куда девался, я сказать не могу... – произнесла она медленно, словно прокручивая в памяти события, происшедшие в самолете. – Вот верзила этот, здоровый-то, он в самолете остался. Он еще с пилотом все выяснял что-то, когда самолет уже на дне оказался...

– Не дрался уже? – хмыкнул Чугунков.

– А вы знаете, – удивилась Тамара Алексеевна, – они помирились! Да-да, я потом видела: они сидели вместе и разговаривали о чем-то интересном – шепотом, но возбужденно.

– А худенького уже не было, когда они помирились? – спросил Чугунков.

– Послушайте, дорогой мой! – воскликнула Тамара Алексеевна, и слова «дорогой мой» прозвучали на этот раз угрожающе. – Что вы привязались ко мне с этим своим худым японцем?

– Позвольте, разве он был похож на японца? – перебил ее Чугунков.

– Да нет же! – досадливо отмахнулась женщина. – Но он махал ногами точь-в-точь как эти японцы из американских фильмов.

– Так он был американцем? – удивился Чугунков. – Что же вы сразу не сказали?

– Так! – объявила женщина решительно, никакие транквилизаторы не могли бороться с ней долго. – Это уже похоже на издевательство!

Она встала и, хватаясь за прикрученную к полу мебель, двинулась на генерала:

– А ну-ка, вон из этой каюты! Я обязательно напишу на вас и вашу капитаншу вашему начальнику, генералу Чугункову! Я уже узнала, что он здесь самый главный! А сейчас – вон отсюда!

Я рассмеялась и открыла дверь каюты. Ветер буквально вырвал ее из моих рук и грохнул о стену корабельной надстройки. Я чуть не вылетела следом за ней, но вовремя отпустила дверную ручку.

Стоять на палубе было можно, но ветер нес с собой столько воды, что одежда мгновенно стала бы мокрой насквозь. Я не раз уже успела порадоваться, что не сняла костюм водолаза и комбинезон, когда мы с Игорьком поднялись на поверхность.

– Что вы все худым мужчиной интересовались? – спросила я Чугункова, который появился рядом со мной и так же крепко ухватился за перила трапа, ведущего на верхнюю палубу. – Это что – и есть тот самый ваш Менделеев из Санкт-Петербурга?

Чугунков удивленно на меня посмотрел, а потом рассмеялся.

– Так ведь Менделеев – это высокий «жлоб»! Я думал, ты сразу это поняла, – крикнул он мне, пересиливая ветер. – Просто этот худой напомнил мне одного знакомого. Да, видно, не он – я просто ошибся... Давай-ка поднимемся на капитанский мостик...

В рулевой рубке «Посейдона» нас встретил капитан судна, он же полковник МЧС Свиридов, и тотчас засуетился, доставая надежно припрятанный термос с кофе.

– Нет, голый кофе гонять не гоже! – заявил Чугунков. – Подождите, я спущусь к себе в каюту, у меня там бутылочка хорошего коньяка имеется – очень старый, «Эверест» называется. Кофе с «Эверестом» – это вообще лучший напиток, который я пробовал за свою жизнь!

И генерал скрылся в мутных, наполненных брызгами воды и пены и грохотом волн по борту и надстройке сумерках за дверью капитанской рубки. Он едва не столкнулся в дверях с помощником капитана, который ввалился в рубку и, отфыркиваясь от воды, ручьем лившей с него, заявил:

– Капитан! Может быть, «Нереида» еще один рейс вниз сделает?

– А в чем дело? – резко спросил Свиридов, наверняка не забывший свою оговорку в разговоре с генералом Чугунковым, выдавшую нежелание лишний раз спускать аппарат с «Посейдона» на дно.

– Старший в группе водолазов, лейтенант Носов, руку сломал – волной его неудачно шибануло. Под воду его пускать нельзя. А без старшего группы – не положено. Может, связаться с «Нереидой», посоветоваться с ее капитаном, он не откажется поработать еще...

– Ты что же, предлагаешь нам за чужие спины прятаться? – набросился на него Свиридов, хорошо запомнивший направленное на него раздражение генерала. – Составленный мной план спасательных работ предусматривает повторное погружение аппарата с «Посейдона», а не с «Нереиды»! И работать будем строго по плану! Срочно найти замену Носову! Через пять минут аппарат должен начать погружение.

– Где же я ему замену найду, если один у нас из лейтенантов остался среди водолазов? – возмутился помощник. – Остальных вы сами списали на берег за незнание устава корабельной службы. Наверняка в Красноводске из портового ресторана не вылезают. Устроили людям отпуск, додумались...

– Ты мне делать замечания брось! – закричал на него Свиридов. – Станешь капитаном – тогда болтай все, что хочешь! А сейчас – выполнять мои приказы! И все! Большого от тебя не требуется...

Я не дала помощнику ответить Свиридову и опередила его реплику.

– Я могу пойти с водолазами, – заявила я. – Допуск на погружение у меня есть. Звание – подходит, я – капитан МЧС. А за знание устава корабельной службы я отчитаюсь, как только поднимусь обратно. В этом, я думаю, капитан Свиридов пойдет мне навстречу?

Свиридов сам давно уже понял, что совершил глупость, придравшись к двум лейтенантам-водолазам и оставив их на берегу за незнание устава корабельной службы, который им совершенно не нужен, поскольку они не являлись членами команды «Посейдона». Но хозяином на судне был Свиридов, и оспорить его решение было невозможно... Теперь Свиридов раскаивался в своей глупости хотя бы потому, что лейтенанты в любое время могли пожаловаться на него. Хотя бы вот этому же генералу Чугункову.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.